

Оразбаева Н.С.,
Синтез художественного и документального в освещении русским поэтом Л. Мартыновым положения казахских женщин в первой половине XX века

Orazbayeva N.S.
Synthesis of fiction and documentary in elucidation by Russian poet L. Martynov of the standing of Kazakh women in the first half of the XX-th century

Оразбаева Н.С.
Орыс ақыны Л. Мартыновтың талдауы бойынша XX ғасырдың бірінші жартысындағы қазақ әйелінің жағдайы туралы көркемдік және деректілік жинақтау

В данной статье рассматривается публицистика русского поэта первой половины XX века Л.Н. Мартынова, а именно ряд его статей, опубликованных в 1926-1927 гг., о положении казахских женщин. Анализ очерков и заметок Леонида Мартынова, содержащих вопрос гендерного равноправия, способен определить роль поэта в общественной жизни населения северного Казахстана и Сибирского края. Вторая задача состоит в поиске художественных средств в публицистических статьях, в обосновании их значения и причин использования. Наконец, прослеживается степень и способы внедрения данного материала в художественные тексты Мартынова. Таким образом, определяется синтез документального и художественного в его журналистской деятельности, а также место образа Казахстана в творчестве русского поэта.

Ключевые слова: Леонид Мартынов, публицистика, гендерное равноправие, права казахских женщин, русский поэт.

This article examines the journalism of the Russian poet of the first half of the XX century L.N. Martynov, that is a number of articles published in 1926-1927 on the standing of Kazakh women in the society. The analysis of Leonid Martynov's sketches and notes, containing the issue of gender equality, is able to determine the role of the poet in the social life of the population of the northern Kazakhstan and the Siberian region. The second task is to find figures of speech in journalistic articles, to justify their significance and reasons for using it. Finally, the degree and ways of inoculation of this material into Martynov's artistic texts are observed. Thus, the synthesis of fiction and documentary in his journalistic activity is determined, as well as the place of the image of Kazakhstan in works of the Russian poet.

Key words: Leonid Martynov, journalism, gender equality, Kazakh women's rights, Russian poet.

Берілген мақалада XX ғасырдың бірінші жартысындағы орыс ақыны Л. Мартыновтың қазақ әйелінің жағдайы туралы публицистикасы, нақтырақ 1926-1927 жылдары жарық көрген бірнеше мақалалары қарастырылады. Гендерлі тең құқықтық сұрақтарын көтеретін Л. Мартыновтың очерктері мен жазбаларының талдауы Сібір өңірінің және Қазақстанның солтүстігіндегі қоғам өмірінде ақынның рөлін көрсете алады. Екінші мәселе публицистикалық мақалаларда көркемдік құралдарды іздеу, олардың мағыналарын және қолдануының себебін айқындау. Соңында, берілген материалдың Мартыновтың көркемдік мәтіндеріне кіру деңгейі мен тәсілдері көрсетілген. Осылайша, оның журналистік қызметінде көркемдік және деректілік жинақтауы, орыс ақынының шығармашылығында Қазақстан бейнесінің орны айқындалған.

Түйін сөздер: Леонид Мартынов, публицистика, гендерлі тең құқықтық, қазақ әйелдерінің құқығы, орыс ақыны.

**СИНТЕЗ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО И
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО
В ОСВЕЩЕНИИ
РУССКИМ ПОЭТОМ
Л. МАРТЫНОВЫМ
ПОЛОЖЕНИЯ
КАЗАХСКИХ ЖЕНЩИН
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XX ВЕКА**

Рассмотрение документального в публицистике русского поэта первой половины XX века Л.Н. Мартынова (1905-1980) обосновано многочисленными публикациями поэта о Казахстане в сибирских газетах и журналах, а также наличием документальной составляющей в художественных текстах. В 20-х – начале 30-х гг. Мартынов работал в периодических изданиях Омска (газеты «Рабочий путь», «Сигнал», «Гудок»), Ново-николаевска (газета «Советская Сибирь») и других. Значительная часть журналистской деятельности Леонида Мартынова, который в качестве выездного корреспондента множество раз ездил в Казахстан, насколько нам известно, еще не была исследована. Во время работы в архивах Омского государственного литературного музея имени Ф.М. Достоевского и Омской государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина мы собрали большую часть заметок, путевых очерков о Казахстане, опубликованных в вышеназванных изданиях.

Исследуя данные статьи, мы выделили основные вопросы, интересовавшие русскую общественность в связи с Казахстаном 20-30-х гг. XX века и включавшие как общественно-политические, так и социально-бытовые аспекты. Целью исследования данной статьи является, в первую очередь, анализ очерков и заметок Леонида Мартынова, отражающих положение женщины и роль поэта в урегулировании некоторых конфликтов. Во-вторых, прослеживается синтез документального и художественного в его творчестве, а именно способы внедрения фактического материала о положении казахской женщины в художественные тексты, включая автобиографические новеллы. «Художественность – это образное отображение действительности, моделирование ситуации или действительно происшедших или придуманных событий. Публицистичность же выражается прежде всего в присутствии документальности, в пафосе и тенденциозности повествования, в допустимости только домысла, но не вымысла. Конкретный, документальный факт в этих жанрах как бы отходит на задний план, уступая место впечатлению автора от факта, его оценке, авторской мысли» [1]. Таким образом, мы обратим внимание на средства, используемые Мартыновым-журналистом в публицистических жанрах и Мартыновым-поэтом – в художественных.

«Главная особенность юридического статуса женщины у казахов и киргизов в XIX – начале XX века заключается в том, что он реализовывался в общих рамках трех сосуществующих юридических систем обычного права, мусульманского и официального, утверждаемого законами Российской Империи» [2]. Под «обычным» правом имеется в виду правовое положение женщины по адату – системе норм в традиционном обществе кочевников, на замену законов Российской Империи пришло советское законодательство. В той же работе выделяются основные моменты, отступающие от норм шариата и соответствующие адату, что демонстрирует синтез правовых систем в степи того времени: «сохранение в среде кочевников института калыма; отсутствие института выплаты махра; сохранение обычая левирата; отсутствие прав женщины на личную собственность и, следовательно, на семейное имущество и на имущество умершего супруга; абсолютное право семейно-родственной группы мужа на фертильный потенциал женщины» [2].

Таким образом, статьи Мартынова 20-х гг. XX века описывают именно переломный момент в правовых нормах казахского общества относительно прав женщины на государственную защиту от насилия в семье, на имущество, развод и т.д.

Итак, имеющийся у нас список публицистических работ Мартынова о Казахстане представляют статьи, очерки и наброски из омской ежедневной газеты «Рабочий путь» и художественно-литературного и научно-публицистического журнала «Сибирские огни», издававшегося в Новосибирске. Данный список представлен в хронологическом порядке, по мере публикации материалов:

Степные хулиганы / Рабочий путь, 7 декабря 1926 года. Подпись: Эльм.

Бейгайма боится / Рабочий путь, 28 января 1927 года. Подпись: Эльм.

Братья Байбатыровы / Рабочий путь, 18 февраля 1927 г. Подпись: Эльм.

Почему ополчились киргизки? / Рабочий путь, 27 марта 1927 года. Подпись: Эльм.

Бунт желтых жен / Сибирские огни, № 6, ноябрь-декабрь 1927. Подпись: Леонид Мартынов.

В первую очередь обращают на себя внимание варианты подписей в статьях Мартынова. Эльм – один из псевдонимов поэта, использовавшийся им, как видим, в 20-х гг. С одной стороны, данный псевдоним отсылает к инициалам поэта – Л.М. С другой, – к одному из вариантов имени христианского святого Эразма, покрови-

теля мореплавателей. Мартынов, страстно любивший морскую стихию, конечно, был знаком с легендами о святом, что подтверждает употребление имени Эльм в стихотворении «Корабль», написанном в 1971 году. Уже использование данного псевдонима дает понять творческую природу Мартынова-журналиста и начинает синтез художественного и документального в его журналистской деятельности.

Документы 1-4 связаны между собой и начинаются со статьи «Степные хулиганы». Данная статья поделена на три части и имеет подзаголовок «Степь и город» к первой части, где автор демонстрирует разницу между казахами в городе – *«смуглыми, скуластыми людьми в меховых шапках, в громадных сапогах»* [3] – и родной степи, где можно видеть *«киргизскую женщину нагую, в синяках, едущую на черной корове, сидя верхом, лицом к хвосту»* [3]. В других двух частях «Суд седобородых» и «Это не первый случай» рассказывается о казахской женщине Бибиш, которая была жестоко наказана судом аксакалов за подозрения в измене мужу. Автор открыто призывает виновников к ответу, не боясь использования экспрессивной лексики («негодяи»).

Вторая статья «Бейгайма боится» подводит итоги первой: *«написанное достигло цели»* [4]. Видя результаты и эффект от публикации первой заметки, Мартынов продолжает наделять материал эмоциональной оценкой, отвечающей не только его, но и советским моральным установкам. Особенности восприятия и изложения фактического материала Мартыновым характеризуются, например, использованием приема синекдохи в статье «Бейгайма боится»: *«Декрет, еще декрет – и мы раскрепостили киргизскую женщину. Калым отменен, женщина равноправна – попробуй, не согласишься с этим!»*, *«Степь приняла советский закон»*, *«Степь дика и жестока»* [4]. В первом примере мы видим частное вместо целого – дважды использовано единственное число вместо множественного, в двух других – целое вместо части, «степь» вместо ее жителей. Таким образом, усиливается экспрессия речи, тексту придается глубокий обобщающий смысл. Почему именно степь – ответ дан в первой статье в части «Степь и город», показывающей разницу между «киргизами», живущими в городе по советским законам и по степным, ограничивающим права женщин.

Таково продолжение статьи: *«Степь дика и жестока. Странные истории разыгрываются там. Как будто бы сейчас не двадцатый век, но*

четырнадцатый век и омская крепость еще не выстроена над берегом Иртыша. Вот еще одна картина быта современных дикарей, которых еще много среди киргиз» [4]. Используемая автором синекдоха здесь позволяет ему избегать обобщения на основе национального признака и употребить обобщение на основе бытовых традиций: не «киргизы», а «степь». Кроме того, автором использованы исторические факты: именно XIV век упомянут в связи с тем, что до XV века территория Омска входила в состав различных кочевых империй – от Западно-Тюркского каганата до Сибирского ханства. Омская крепость, строившаяся от набегов кочевников, преимущественно джунгар, приводится как один из символов отделения городского населения от степного.

Для художественной окраски историй Мартынов также использует прямую речь и настоящее время глаголов в значении прошедшего:

«Вслед за ним является и Есенов.

– Где моя сестра? – кричит он – я должен ее увезти!» [4].

В третьей статье «Братья Байбатыровы» рассказывается история очередной жертвы степных законов с заключением от автора: «Мы приветствуем Мариам! Двери нашей редакции открыты для киргизских женщин, – пусть и впредь идут они к нам и делятся с нами своими бедами» [5]. Также говорится об угрозах Байбатыровых привлечь «клеветников» к ответственности.

Мартынов продолжает публиковать статьи, направленные на борьбу с неравным положением женщин в обществе: «Мы боремся не с личностями, но с обычаям. Жестоким, дикарским степным обычаем избиения, истязания женщин» [6]. Эта статья, названная «Почему ополчились киргизки?», четвертая на данную тему за четыре месяца, стала закономерным результатом размышлений Мартынова об истории с братьями Байбатыровыми. В этой статье, написанной после попыток Байбатыровых опровергнуть обвинения, Мартынов прибегает к саркастическим высказываниям и сравнениям, несущим авторскую оценку: «Почему и Мариам, и Куркима, и посторонняя Бейгама ищут защиты от чистых и невинных, как новорожденные младенчики, братьев Байбатыровых. Почему эти коварные женщины жаждут отомстить Байбатыровым за мирную жизнь» [6].

Кроме того, прямые следы его журналистской деятельности в сфере урегулирования вопросов быта казахов наблюдаются в художественных произведениях. Именно в статье «Братья

Байбатыровы» впервые упоминается имя Увенькай в рассказе героини статьи: «Пять лет назад я хотела бежать от Мукаша с любимым человеком юношей Увенькаем» [5]. Данное имя стало почти нарицательным для образов казахов в творчестве Мартынова, появившись впервые в поэме «Правдивая история об Увенькае, воспитаннике азиатской школы толмачей в городе Омске» (1936 г.), которая принесла автору широкую известность. Данное имя использовалось и Олжасом Сулейменовым в дарственной надписи Мартынову, сделанной в книге «Доброе время восхода», как об этом пишет сам Мартынов: «...нет сомнения, он читал мои произведения. Читал еще подростком, юношей, о чем свидетельствует книга его «Доброе время восхода» с дарственной мне надписью будто и от себя, Олжаса, но в то же время и от героя моей поэмы – книголюбивого Увенькай» [7, 240].

Также в новелле «Круглая звезда Айналайн» примечателен следующий отрывок: «А тогда мое личное знакомство с казахами началось не с какого-нибудь экзотического степного, но одетого и обутого, как и городского мальчика, посаженного волею аллаха на соседнюю со мной парту первого класса 1-й омской гимназии. Это был сын толмача Акмолинского областного правления, очкарик, как выразились бы теперешние ребята, и первый ученик, как тогда назывались отличники. Педагоги ставили нам в пример его старательность и хорошее поведение. Может быть, образ этого мальчика, сына толмача, как-то слегка и отразился впоследствии в моей поэме об Увенькае, воспитаннике школы толмачей в Омске, но во дни нашего совместного ученичества я общался с этим мальчиком мало и не знаю его дальнейшей судьбы...» [7, 236]. Образ одноклассника – «первого ученика», сына толмача – и образ парня Увенькай из статьи «Братья Байбатыровы» объединились в образе толмача Увенькай, ученика омской школы толмачей.

Там же упомянуты и истории казахских женщин: «...я сделался их [казашек] доверенным лицом, ходатаем по их делам. Суть в том, что они, эти женщины, взбунтовались. Против нелюбимых мужей. И так как всё это было в первой половине двадцатых годов, эти женщины потренировались на основании советских законов раскрепощения!», «И я, юный репортер, написал ряд статей, освещающих все перипетии их борьбы за новую жизнь. Обо всем этом я впоследствии рассказал в очерке «Бунт желтых жен»» [7, 237]. И в той же новелле Мартынов ссылается на

одно из своих ранних стихотворений: «Эй, супруга моя, Бибиши, наш аул ушёл за Иртыш, почему ж ты осталась в городе, на крыльце у прокурора сидишь?» – «Мой муж, хромой Мукаш, ты вчера показал мне кнут. Поеду в город, спрошу адвоката, что надо делать, если бьют?» [7, 237].

Подобные выдержки из автобиографической прозы подчеркивают равнодушие, подлинное сопереживание, с которым автор воспринял описанные выше истории, находившие отражение на протяжении всего творческого пути Мартынова.

Очерк «Бунт желтых жен» Мартынова в журнале «Сибирские огни» стал итоговым в публицистике на тему прав казахских женщин через год после изданных ранее статей. В данном объемном очерке автор описывает не только хронологию событий, но и пытается объяснить причины сохранения степных традиций в 20-е гг., а также показывает отклик общественности на данную тему: «описанные происшествия были ... новостью» [8, 158]. По словам Мартынова, после публикации первой заметки виновные, «самозванцы судьи-аксакалы», были привлечены к ответственности, газета получила ряд посланий из степи. После второй статьи «эффект получился необычайный: Киргизы на омских базарах, как говорится, рвали газету из рук продавцов:

– Уй! Байбатыровых, вековых кулаков Байбатыровых, припечатал «Рабочий путь», – кричали одни» [8, 159].

В результате эти дела поступали в прокуратуру: «Прокуратура вела расследование по первым делам, а письма из аулов все шли и шли. Киргизы вступили в деятельную переписку с редакцией. Писали женщины, писали комсомольцы. Их письма (их хранится у нас не мало) подтверждали правильность фельетонов о братьях Байбатыровых, вскрывали «славное прошлое» высокого степного рода» [8, 160]. Как считает Мартынов, «мы же выполнили свой долг – пробудили внимание общественности к тем, кто живет за рекой Иртышем в кошменных кибитках, как жили и сто лет назад» [8, 161].

В то же время Мартынов, по истечении времени стараясь проанализировать причины и предпосылки всплеска обращения казахских женщин в газету, пишет: «Прокуратуре была задана тяжелая задача – разобраться во всех этих делах. Из частных разговоров явствовало, что, в конце концов, взаимоотношения между пресловутыми братьями и их беглыми женами

сложнее, чем мы, горожане, привыкли думать» [8, 160]. Далее поэт приводит слова одного из гостей редакции: «Я много слышал о байбатыровщине. Факты истязания женщин, разумеется, налицо. Это их степной быт. Но не в одном истязании дело. Все эти женщины, так сказать, передовые киргизки. Они узнали законы советской власти и хотят ими воспользоваться. Они требуют развода и <...> вместе с тем они требуют раздела имущества. <...> Но, когда уходящая жена требует и имущества, муж начинает ее преследовать, бить, запугивать. Аксакалы, хранители традиций, становятся на сторону мужа. Вот трагедия в чем. Не в любви, а в экономике» [с. 160].

Согласно правовой системе традиционного общества кочевников, женщины не имели прав «на личную собственность и, следовательно, на семейное имущество и на имущество умершего супруга» [2]. Советский закон прямо противоречил степному, что и потребовало вмешательства журналистов, юристов и прокуратуры.

Таким образом, приемы, наиболее часто использованные Мартыновым в раскрытии данной темы в публицистике, – синекдоха, художественная образность, диалогичность, прямая речь, настоящее время глаголов в значении прошедшего, сравнения, восклицательные и вопросительные предложения. Эти приемы помогают поэту давать авторскую оценку, наглядность, позитивную или негативную окраску текста. Кроме того, мы наблюдаем систематическое использование данного материала, а именно истории женщин и казахских имен, в автобиографических новеллах поэта, а также в его художественных произведениях, включающих образ Казахстана.

Все это определяет роль публицистических заметок Мартынова. Именно в 20-е гг., в связи с распространением законов советской власти на территорию казахских степей, вышло большое количество произведений о противоречивом положении казахских женщин: «Айша» Сакена Сейфуллина, «Акбилек» Жусипбека Аймаутова, романы и повести Мухтара Ауэзова и Габита Мусрепова и других писателей. В этот ряд по полному праву можно включить журналистскую и творческую деятельность русского поэта. Посчитав себя ответственным за художественное и документальное отражение положения казахских женщин, Мартынов оказал значительную помощь казахской общественности в ознакомлении с материалами, урегулировании бытовых и социальных конфликтов и законодательном просвещении населения северного Казахстана.

Литература

- 1 Кенжегулова Н. Художественно-публицистические жанры журналистики / Электронный курс «Массовая коммуникация» // http://old.unesco.kz/massmedia/pages/4_3.htm.
- 2 Турысбекова Г. Сравнительный анализ правового положения женщин по традиционному обычному праву у Киргизов, Узбеков, Кавказских народов // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2011. – № 1 (57). – С. 19-23.
- 3 Мартынов Л.Н. Степные хулиганы // Рабочий путь. – 7 декабря 1926 года. – С.4.
- 4 Мартынов Л.Н. Бейгайма боится // Рабочий путь. – 28 января 1927 года. – С.5.
- 5 Мартынов Л.Н. Братья Байбатыровы // Рабочий путь. – 18 февраля 1927 г. – С.5.
- 6 Мартынов Л.Н. Почему ополчились киргизки? // Рабочий путь. – 27 марта 1927 года. – С.8.
- 7 Мартынов Л.Н. Собрание сочинений в трёх томах. Т.3. Проза. – М.: Художественная литература, 1977. – 414 с.
- 8 Мартынов Л.Н. Бунт желтых жен // Сибирские огни. – Ноябрь-декабрь 1927. – № 6. – С.157-161.

References

- 1 Kenzhegulova N. Hudozhestvenno-publicisticheskie zhanry zhurnalistiki / Jelektronnyj kurs «Massovaja kommunikacija» // http://old.unesco.kz/massmedia/pages/4_3.htm.
- 2 Turysbekova G. Sravnitel'nyj analiz pravovogo polozhenija zhenshhin po tradicionnomu obychnomu pravu u Kirgizov, Uzbekov, Kavkazskih narodov // Vestnik KazNU. Serija juridicheskaja. – 2011. – № 1 (57). – S. 19-23.
- 3 Martynov L.N. Stepnye huligany // Rabochij put'. – 7 dekabrja 1926 goda. – S.4.
- 4 Martynov L.N. Bejgajma boitsja // Rabochij put'. – 28 janvarja 1927 goda. – S.5.
- 5 Martynov L.N. Brat'ja Bajbatyrovj // Rabochij put'. – 18 fevralja 1927 g. – S.5.
- 6 Martynov L.N. Pochemu opolchilis' kirgizki? // Rabochij put'. – 27 marta 1927 goda. – S.8.
- 7 Martynov L.N. Sobranie sochinenij v trjoh tomah. – Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1977. – 414 s.
- 8 Martynov L.N. Bunt zheltyh zhen // Sibirskie ognj. – Nojabr'-dekabr' 1927. – № 6. – S.157-161.